

– Эй, ну-ка скажи, как тебе вообще в голову пришло бить по немецким танкам и пехоте из зенитного пулемёта? Как ты до этого додумалась?! – капитан Холопов стоял на краю утёса, с воодушевлением разглядывая через бинокль солдат, расчищавших поле боя внизу. Он с неподдельным любопытством не переставал донимать меня вопросами.

Совсем недавно он с гневным видом и несколькими бойцами ворвался ко мне, покрасневший от глости, с вздувшимися жилами на шее, и буквально взорвался:

– Товарищ сержант, вы совершаете преступление! Без разрешения командования применять зенитный пулемёт против вражеской пехоты, да ещё и самовольно изменять тактико-техническое назначение оружия... за такое, между прочим, можно под трибунал пойти!

Я уже открыл было рот, чтобы возразить, но тут же передумал, только криво усмехнулся и покачал головой. Многие вещи в этом времени нельзя оценивать с точки зрения будущего. Использовать зенитный пулемёт против пехоты — это ведь советское изобретение, я всего лишь воспользовался наработками предшественников. Капитан хоть и командует этим безымянным высотным укреплением, максимум, что он может — это снять меня с должности. Но отправить под трибунал? Вряд ли. Пусть выговорится, раз уж у него такое настроение. Тем более он тараторил так быстро, что я половину слов не понимал, так что проще было просто пропустить всё мимо ушей.

Но тут его гневную речь прервал едкий запах гари и пороховой дым, доносившиеся с равнины. Он подскочил к краю утёса, вскинул бинокль и застыл в изумлении, разинув рот. А потом вдруг расхохотался и, возбужденный, закричал:

– Молодцы, девчонки! Вот это да, молодцы! Отличная работа!!!

Я не смотрел в бинокль, как он, но и так прекрасно знал, что он там увидел: поле боя, давно уже стихшее, усыпанное трупами немцев, обугленные танки и бронемашины, из которых всё ещё валил густой чёрный дым. Те немногие выжившие немецкие солдаты, кто успел выбросить белый флаг, теперь с поднятыми руками, под конвоем наших бойцов, безропотно шагали в плен.

Конечно, идея использовать зенитку против пехоты пришла мне в голову не сама по себе — я когда-то читал про это на одном известном форуме. Но, разумеется, капитану я не мог сказать, что просто подсмотрел этот метод в обсуждении Второй Мировой. Меня бы за сумасшедшего приняли! Так что я только пожал плечами, виновато улыбнулся и наскоро состряпал весьма неубедительное объяснение:

– В тот момент я просто представила, что их танки и пехота — это самолёты, и... ну, вот так всё

и вышло.

Капитан медленно опустил бинокль, внимательно посмотрел на меня, покачал головой и слегка усмехнулся:

– Значит, ты просто представила, что эти немецкие гады — вражеские самолёты, и всё? Вот так просто?

Я не знал, как ему ответить, поэтому просто промолчал.

– Неважно, что ты тогда думала, но ты все же отдала приказ использовать зенитный пулемёт как обычное оружие, – капитан не унимался. – Возможно, ты просто решила рискнуть? Авантюра... Ты не находишь, что это была авантюра?

Я сжал зубы. Вот только допроса мне сейчас не хватало. Но прежде чем я успел что-то сказать, Наташа меня выручила:

– Товарищ командир взвода, мы продолжаем подсчет израсходованных боеприпасов?

– Продолжайте, – быстро кивнул я, ухватившись за возможность сменить тему. Как же вовремя она вмешалась. – Сначала пересчитайте пустые коробки от патронов, затем проверьте, сколько осталось в пулемётных лентах. Тогда сможем определить, сколько боеприпасов было израсходовано в этом бою.

Капитан, поняв, что я занят, догадливо умолк и снова принялся разглядывать пейзаж в бинокль. Видимо, внизу происходило что-то куда более интересное, чем докапываться до меня.

Издали донёсся рокочущий звук моторов. Все замерли, повернув головы в сторону дороги. Оттуда приближалась колонна бронемашин.

– Похоже, прибыл высший командный состав, – тихо сказала одна из девушек-бойцов. – Смотрите, сколько бронетехники.

– Какой ещё высший командный состав? – Капитан, у которого, кажется, был слух, как у охотничьей собаки, мгновенно отреагировал. Он опустил бинокль, обернулся, увидел приближающуюся колонну — и тут же рванул навстречу.

Передние бронемшины миновали его и сбавили скорость. Остальные последовали их примеру. Одна из машин остановилась всего в нескольких шагах от него. Дверца со скрежетом распахнулась. Изнутри вышли трое генералов.

Во главе шёл крепко сложенный мужчина среднего роста, с широкими плечами и массивной головой. Двое других следовали позади него.

Капитан мгновенно вытянулся по стойке «смирно» и чётко доложил:

– Товарищ генерал армии! Капитан Холопов, командир второго истребительного батальона шестьдесят третьего полка двадцать первой дивизии Народного комиссариата внутренних дел! Прошу ваших указаний!

Генерал не сказал ни слова. Просто шагнул вперёд и направился к обрыву.

Мы, не сговариваясь, расступились, образовав для него проход, и дружно отдали честь.

Его шаги были тяжёлыми, походка чуть покачивающейся. Он не оглядывался по сторонам, не реагировал на наш строй и отданные ему приветствия — просто молча шёл вперёд.

Хотя он не произнес ни слова, я уже догадался, кто это. В Ленинграде в этот момент был только один генерал с таким званием — маршал Жуков. Следом за ним, шагая бок о бок, шли генерал-лейтенант и генерал-майор — скорее всего, это были его ближайшие соратники, генералы Хозин и Федюнинский. Позади, чуть поодаль, двигалась группа офицеров, недавно вышедших из бронемашин. Почти все они были в званиях от подполковника до полковника, а среди них даже мелькнули два генерал-майора.

Жуков подошел к краю обрыва, поднял бинокль, висевший у него на груди, и молча принялся изучать обстановку на высоте. Рядом с ним остановились Хозин и Федюнинский, тоже вооруженные биноклями. Остальные офицеры, подойдя, последовали их примеру.

Я невольно вспомнил скачки: зрители на ипподроме точно так же поднимают бинокли, следя за своими лошадьми. Единственное отличие — здесь офицеры наблюдали не за ставками, а за нашей победой на поле боя. И их азарт ничем не уступал азарту игроков.

Жуков опустил бинокль, повернулся и прошел сквозь толпу, направляясь к капитану. Тот тут же вытянулся по стойке «смирно», но едва успел произнести:

– Товарищ командующий...

Жуков резко его перебил:

– Расскажите, что там происходит?

– Я как раз собирался доложить, товарищ маршал, — быстро ответил капитан. — Если вы хотите получить полную картину...

– Только главное, – снова прервал его Жуков. – Кратко и по делу.

– Есть! – Капитан собрался и начал доклад. – По приказу командования мой батальон занял позиции на безымянной высоте...

– Коротко! – Жуков вновь нетерпеливо перебил. – Где находится ваш батальон, и так всем известно. Докладывайте о ходе боя.

– Так точно! – Капитан отдал честь. – Немецкие войска подвергли наши позиции артиллерийскому обстрелу, затем часть их сил обошла высоту с тыла и атаковала оборону ополченцев. Бойцы зенитного расчёта заметили это и открыли огонь по врагу.

– Зенитные пулемёты против пехоты? – Жуков нахмурился. – Чья это идея?

– Моя, товарищ маршал.

Не дожидаясь, пока капитан успеет ответить, я шагнул вперед. Что ж, будь что будет. Если накажут — значит, накажут.

– Я не могла просто стоять и смотреть, как немцы громят наш тыл, – продолжил я твёрдо. – В нашем распоряжении были только винтовки. С ними мы не смогли бы остановить врага. Поэтому я приняла самостоятельное решение использовать зенитные пулемёты в наземном бою, чтобы уничтожить вражескую бронетехнику и поддержать оборону ополченцев.

Жуков внимательно выслушал меня, затем медленно оглядел с ног до головы, задержав взгляд на моих орденах. Несколько секунд он стоял молча, после чего спросил, не изменившись в лице:

– Кто вы? Ваше звание и должность?

– Меня зовут Маргарита Осянина, сержант. В настоящее время я командую зенитным расчётом на безымянной высоте.

Я смотрел на суровое лицо Жукова и мысленно готовился к буре. В конце концов, самовольное изменение тактики использования вооружения в такие времена — серьёзное нарушение. Даже если это принесло пользу, последствия могли быть самыми непредсказуемыми.

Но вскоре я понял, что напрасно волновался. Внезапно уголки губ Жукова дрогнули в едва заметной улыбке. Он нарочито строго произнёс:

– Ошибка, ошибка. Не сержант Осянина, а лейтенант Осянина. И не командир расчёта, а командир роты. Повторите доклад.

Я застыл на месте, не веря своим ушам. Вчера мне только присвоили звание сержанта, а сегодня я уже лейтенант. Из простого бойца я официально становился офицером. От неожиданности и радости у меня загорелись щёки. Позади меня девчата вполголоса переговаривались, обсуждая моё повышение.

Я заставил себя взять себя в руки, подавил нахлынувшее волнение и, насколько смог, спокойно повторил доклад — на этот раз впервые называя себя «лейтенантом» и «командиром роты». Конечно, я не забыл поблагодарить Жукова — ведь именно он только что подарил мне этот неожиданный шанс.

– Есть что сказать? – спросил он с мягкой улыбкой.

– Нужно перебросить дополнительные зенитные орудия, – ответил я, не раздумывая. – Зенитные пулемёты слишком маломощны, они не могут пробить немецкие танки. А вот зенитные орудия обладают достаточной огневой мощностью и вполне могут быть использованы как противотанковые.

Я вспомнил, как немецкий фельдмаршал Роммель в Северной Африке использовал 88-миллиметровые зенитки против британских танков и разнёс их бронетанковые части в пух и прах. Почему бы нам не сделать то же самое?

Жуков повернулся к толпе офицеров и обратился к одному из них:

– Товарищ генерал-майор Мерецков! Сколько зенитных орудий можно немедленно вывести из системы ПВО и перебросить в войска?

– Но, товарищ командующий! – мой непосредственный начальник немедленно возразил. – Город уже две недели подвергается жесточайшим налётам! Если сократить количество зенитных орудий, нам будет нечем защищать Ленинград! Если вдруг...

– Отвечайте на вопрос! – резко оборвал его Жуков. Затем обвёл присутствующих взглядом и добавил:

– Если немецкие танки ворвутся в город, то о какой противовоздушной обороне может идти речь?

После этого он снова повернулся к генералу и отдал приказ:

– Немедленно свяжитесь по телефону. Через пятнадцать минут доложите мне, сколько зенитных орудий можно перебросить и какие именно. Ясно?

– Есть, товарищ командующий! – ответил генерал, затем бросил на меня мимолётный взгляд и спросил у Жукова:

– Разрешите мне удалиться?

Я внутренне содрогнулся. Всё, попался. Болтал, не подумав, сказал первое, что в голову пришло — и теперь настроил против себя собственного начальника. Интересно, долго ли он будет мне это припоминать?

– Идите, – кивнул Жуков. – Через пятнадцать минут лично доложите мне. И ещё одно. — Он сделал паузу, а затем добавил:

– Завтра сюда придут два зенитных расчёта. Они перейдут под командование лейтенанта Осяниной.

– Это будет очень непросто, Георгий Константинович, – генерал тут же нахмурился. – Солдат везде не хватает, откуда я возьму для неё столько женщин-зенитчиц?

Я едва не выругался про себя. Вот так быстро! Всего несколько минут назад я ненароком его задел, а он уже пытается мне насолить. Похоже, легко мне теперь не будет.

– Если нет женщин, подойдут и мужчины, – Жуков даже не дрогнул. – Завтра к десяти утра зенитные расчёты должны быть на месте. Это приказ. Исполняйте.

– Есть! – Генерал тяжело вздохнул, отдал честь и широким шагом направился к бронемашине.

Я лишь тогда облегчённо перевел дух. Раз Жуков сам вступился за меня, начальство вряд ли рискнёт чинить мне препятствия. Всё же с такой поддержкой даже на передовой можно чувствовать себя увереннее.

Жуков тем временем обратился к остальным офицерам:

– Пошли. Продолжим совещание в укрытии.

Я, лейтенант, всё ещё облаченный в сержантскую форму, не имел ни малейшего права присутствовать на совещании такого уровня. Всё, что мне оставалось, — это проводить их взглядом, а затем вернуться к своим обязанностям: руководить девчатами, пересчитывать израсходованные боеприпасы и следить, чтобы зенитные пулемёты были тщательно почищены.
